
Абсолютная власть
Эпизод I: Цугцванг
Домитеев Михаил

Михаил Домитеев

Абсолютная власть. Эпизод I: Цугцванг

https://litres.ru/74880119
SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли отказаться от норм, навязанных обществом?

Мир, где люди делятся на классы, а их годы жизни — лишь товар. Во всём главенствует церковь, её законы и нормы неоспоримы, и все дома мира ей подчинены.

Элизабет отправляется в один из крупнейших домов мира, чтобы выполнить очередной заказ, но из-за собственных принципов рушит судьбу одного юноши. Это заставляет её усомниться, но не избежать ответственности за свои поступки.

История о жертвах обстоятельств, чьи поступки в любом случае привели бы к ужасным последствиям.

Содержание

Пролог	5
Тридцать лет назад	8
Глава 1. Плата обстоятельств	14
Глава 2. Судебный приговор	26
Глава 3. Восстание	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Домитеев
Абсолютная власть. Эпизод I: Цугцванг

Пролог

Солнечный свет заливал мощеную булыжником улицу, отражаясь в высоких окнах особняков. На ветру развевались праздничные флаги — синие полотнища с золотым солнцем и серебряным полумесяцем, символ нерушимой империи. Они свисали с фонарных столбов, украшали балконы и реяли над крышами экипажей.

По тротуару шла мама и дочка. Мать в строгом и изысканном платье изумрудного цвета, везла перед собой коляску со спящей малышкой, и держала другой рукой шестилетнюю девочку за руку. На девочках были бледно-васильковые платьица с кружевами на воротнике и рукавах. Золотистые, почти белые прядки словно светились под жаркими лучами, прячась под соломенной шляпкой.

Девочка разглядывала с искренним интересом украшенную улицу, цеплялась взглядом за разноцветные украшения, и вдруг звонким голосом спросила:

— Мама, я слышала, как дядя говорил «Леконстел». Это наша страна?

Мама ласково улыбнулась и ответила:

— Наша империя, милая. И во всём мире есть только она.

Девочка на мгновение задумалась, ей показалось любопытным расспросить маму обо всем.

— А как она появилась? — спросила она, сгорая от детского любопытства.

Мать замедлила шаг, погружаясь в воспоминания:

— Давным-давно люди не знали мира и постоянно враждовали. Миром правили Дома — большие семьи, которые управляли своими землями, словно маленькими королевствами. — Мама рассказывала мягко, словно сказку. — Сотни домов делили мир на маленькие территории, и в каждом проживало от нескольких сотен, до десятков тысяч человек. Тогда люди делились на три класса. Первый класс — это правители, те семьи, которым принадлежал Дом. Второй класс — подчинённые Дома: солдаты, строители, что возводили города, и все добропорядочные граждане.

— А третий!? — нетерпеливо перебила девочка подпрыгнув на месте.

Мама улыбнулась на такой сильный интерес дочери.

— Третий класс… — мать вздохнула, её взгляд наполнился печалью. — Это были изгои. Те, кого за провинности или по прихоти изгоняли. Они скитались по миру, пока их не прибирала под свою опеку церковь. Уже мало кто помнит те тёмные времена, — добавила она, словно отгоняя наваждение. — После Великой мировой войны всё изменилось. Теперь наш император делает все на благо империи.

— А как его зовут? — спросила девочка, зачарованно глядя на синие флаги, полощущиеся над крышами.

Мать ничего не ответила. Только крепче сжала маленькую ладошку оглянувшись по сторонам.

Тридцать лет назад

Тяжёлая карета мерно покачивалась на ходу, пробираясь по лесной дороге. За окном хмурилось небо: низкие тучи затянули небо, ветер гнул верхушки сосен, заставляя их тревожно шуметь. Внутри кареты царила тишина — только стук копыт по земле и редкий скрип дерева.

Элизабет без интереса смотрела сквозь маленькие окошки кареты на мелькающий лес, её голубые глаза словно не открывались от пейзажа за окном. Рука временами нервно теребила алые волосы, заплетенные в строгую прическу. На ней было алое платье, поверх которого накинут зелёный плащ, с золотой пуговицей с эмблемой церкви — солнцем и луной. Элизабет родилась Аллионом, чьи умения можно назвать как даром так и проклятием. Способность передавать годы жизни между людьми заставляло задуматься о том, как это использовать.

«У каждого человека отведённое время на жизнь. Если бы была возможность передать это время другому, кто бы так поступил? Что, если те, кто прожигает жизнь, отдадут её тем, кто меняет мир?» Она вспомнила лицо нищего на улице — пьяный взгляд, дурной запах, и желание опохмелиться. «Большинство не то что бесполезны — они вредители.

Можно ли оправдать убийство такого человека, если его годы продлят жизнь гениальному полководцу или учёному?» Элизабет горько усмехнулась своим мыслям. «Впрочем, все эти идеи… они меркнут перед деньгами».

Карета вынырнула из лесной чащи. Вдали возвышался голубой особняк с белыми колоннами, символикой крыльев птиц и обрамлёнными камнем окнами — Дом Лонглес. Экипаж остановился у массивных дубовых ворот. Как дверца открылась, Элизабет шагнула на каменную дорожку. Влажный лесной воздух сменился запахом сырого камня и увядших листьев. На пороге её ждал молодой человек с надменным и бледным лицом — Лондел, будущий глава этого воинственного Дома. Он стоял в синем костюме, поверх серое лёгкое пальто, тёмные волосы до плеч и пронзительные зёленые глаза.

Он молча поклонился и провёл её через особняк в зал для переговоров. В зале пахло воском и пылью; стены были голубого оттенка, украшены картинами в массивных рамах. Пол состоял из тёмных дубовых досок, из-под которых лишь изредка раздавался скрип, будто сам дом вздрагивал.

— Ещё раз обговорим детали, — начала Элизабет, даже не присаживаясь. Её голос звучал ровно, без единой дрожи. — Я передаю вам тридцать лет жизни, заключённые в шаре.

Ваша плата — триста девяносто тысяч.

— Позвольте, — Лондел возмутился. — Мы договаривались на триста.

— Я лично приехала в Дом Лонглес, который ведёт затяжную войну с соседним домом. Я пересекла лес, где ещё полгода назад при загадочных обстоятельствах пропадали девушки. — Элизабет сделала короткую паузу. Вздохнула, и не скрывая раздражения продолжила, — И я трачу время на переговоры с вами, когда меня ждут в другом месте.

— Время в этом зале тратите только вы, — парировал Лондел, его голос зазвучал жёстче. — Аллионы редки, но вы не единственная, чтобы смотреть на меня свысока.

— Но ведь мы оба понимаем, — Элизабет позволила себе легкую улыбку, — что ждать моего приезда ещё полгода вам не хочется. И нет гарантии, что другие Аллионы сунутся в ваши гиблые края.

Лондел сжал губы. Она была права. Время было единственным ресурсом, который он не мог добыть силой.

— Триста пятьдесят. Напоминаю, что продление жизни не делает человека бессмертным. Я могу погибнуть завтра от хвори, и ваши тридцать лет пропадут зря.

— Но тридцать лет вы будете молоды, как сейчас, — спокойно ответила Элизабет. — Я просто повышаю цену на

необходимый вам товар. И вы понимаете, что кроме меня его никто не предложит.

Лондел испытующе посмотрел на девушку. В его взгляде читалось нечто большее, чем людское желание поторговаться.

— А вы не задумывались, чьё время продаёте? — спросил он вкрадчиво, почти ласково. — Чувствуете ли вы жалость за тех людей низшего класса, что отдали жизнь ради этой сделки? Быть может, кто-то из них мог бы сделать мир лучше, а вы отдали его годы мне.

— Не льстите себе, будто вам есть до них дело. Их время — это товар. Товар, который должен быть использован во благо тех, кого сама судьба благословила, так ведь учит церковь? — она сделала паузу, посмотрев в глаза собеседника. — Хотя, судя по слухам, вы атеист.

Лондел даже не повёл бровью.

— Мою преданность церкви не проверить. Не шантажируйте меня, это бессмысленно. Триста пятьдесят.

Элизабет задумалась, хотя решение приняла ещё минуту назад. Она позволила себе сделать вид, что колеблется.

— Раз наш разговор перешёл на личности, полагаю, у вас

уже не хватит денег на сделку, — сказала она. — Поэтому я пойду вам навстречу. Триста семьдесят пять. Это моё последнее слово.

Лондел смотрел на неё долго. Тишина в комнате стала почти осязаемой. Затем он закрыл глаза на пару секунд, приняв внутри себя итог их разговора. После этого перевёл взгляд на дверь, где стоял седовласый опрятный мужчина на вид шестидесяти лет.

— Альберт, принеси деньги, — крикнул Лондел ему.

Слуга вышел, и Элизабет взяла со стола круглый шар из матового стекла. Внутри него клубился тусклый свет — живое время, чужое, вырванное у смерти. Лондел, не говоря ни слова, оголил запястье и протянул руку. Кожа его была бледной, синие вены проступали отчётливо. Элизабет взяла его за руку, прикоснулась к пульсирующей вене и замерла, закрыв глаза.

Всего одно мгновение. Тишина в комнате стала такой что даже скрип половиц затих, будто дом затаил дыхание. Шар в её руке вспыхнул мягким голубым светом, а затем в одно мгновение погас, оставив после себя холодную стеклянную оболочку.

Лондел отдёрнул руку и принялся застёгивать запонку. Его строгий взгляд остался прежним, он не сводил его с Элизабет.

— Скажу откровенно, мисс Элизабет, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза, и в его голосе прозвучало презрение . — Гордыня и жадность, что живут в вас, однажды вас же и покарают. Прощайте. — Женщина ничего не ответила. Эти слова ей говорили уже не в первый раз.

Элизабет спокойно покинула дом Лонглес и направилась к следующему гостю.

Глава 1. Плата обстоятельств

Карета вновь ехала по ухабистой дороге, но теперь пейзаж за окном изменился. Дремучий лес сменился пологими холмами, а вдалеке, на горизонте, уже виднелись величественные горы, их заснеженные вершины сверкали в лучах заходящего солнца. Вечерело. Небо налилось густой синевой, предвещая скорый закат.

Вскоре дорога пошла вдоль строящихся домов. Элизабет скользнула взглядом по рабочим, переносившим брёвна и кирпичи. Их лица угрюмые от усталости, руки в мозолях, одежда пропитана потом и известкой. Среди суетящихся людей её взгляд на мгновение встретился со взглядом молодого парня. Смуглая кожа, коротковатые чёрные волосы, худощавое телосложение. Что-то было в его глазах — чистота, не тронутая этим миром, какой-то внутренний свет, которого она давно не видела в людях.

Карета продолжила свой путь, а Элизабет погрузилась в раздумья, пока на горизонте не показалась каменная крепость, находившаяся на возвышении низкой горы. Экипаж въехал в распахнутые кованые ворота по узкой виляющей дороге и начал подниматься по серпантину на холм, где воз-

вышался Дом Горделон. У массивных ступеней её ожидал мужчина средних лет. Дэвид — глава дома, мужчина с лихорадочным блеском в глазах, — лично бросился открывать дверцу кареты. Рядом с ним, безучастный и молчаливый, стоял помощник Джон в невзрачном костюме.

— Искренне рад видеть вас, мисс Элизабет! — заговорил Дэвид, пока они поднимались по лестнице, его голос дрожал от нетерпения. — Как добрались? Не желаете ли отдохнуть с дороги?

— Благодарю, — сухо оборвала его Элизабет, но дежурно улыбнулась — Покажите товар.

Дэвид ничуть не смутился. Он провёл её в небольшой зал. У стены, на грязном полу, сидели четверо связанных людей. Они истощены и напуганы: у первого тряслись руки, женщина тихо всхлипывала, парень смотрел в пустоту, старик бормотал что-то несвязное.

— Я ждал вашего приезда, — начал Дэвид, жестом указывая на пленников. — Но, к сожалению, за это время нам удалось добыть лишь этих. Все боеспособные мужчины сейчас на фронте с Лонглес, а побеги среди третьего класса участились. Прошу вас, миледи.

Элизабет, игнорируя мольбы в их глазах, взяла за запястье

каждого по очереди. Прикосновение — и перед внутренним взором вспыхивали цифры, остатки чужих жизней. Её лицо оставалось непроницаемым, только уголок губ чуть напрягся.

— Этому мужчине — четыре месяца, — безжалостно перечислила Элизабет, указывая на пленников. — Этой женщине — полгода. Парню — две недели. Старику — чуть меньше двух месяцев. — Она обернулась к Дэвиду. — Я передам вам их время, но вопрос: хватит ли этого?

Дэвид побледнел.

— Не может быть! Я не могу больше ждать!

— Мне жаль, но если у вас нет других сфер или пленников третьего класса, я бессильна.

Дэвид нервно заходил по комнате, от одной стены к другой, его сапоги гулко стучали по полу. Позади на лестнице Джон с безучастным взглядом что-то записывал в блокнот.

— Я понижу в классе несколько граждан! — сказал Дэвид, развернувшись на месте.

— Боюсь, без официального протокола церкви это невозможно. Нужно судебное дело, а это займёт месяцы, — отрезала Элизабет, скрестив руки на груди.

Дэвид резко остановился и посмотрел на неё с хищным прищуром. Голос его стал тише и вкрадчивее.

— К чему формальности, мадам? Я наслышан о вас. Думаю, вы не будете против закрыть глаза на документы… за дополнительную плату?

Элизабет насторожилась, её плечи чуть напряглись, но она промолчала.

— Мы отправимся с вами по окрестностям, — продолжал Дэвид, приближаясь почти вплотную, — и выберем пару-тройку человек из второго класса. Предъявим им обвинения в антирелигиозной пропаганде. Об этом никто не узнает.

— Это риск. Если церковь узнает… — Элизабет чувствовала, как внутри неё борются страх и жадность.

— Я увеличу сумму в пять раз, — прошептал Дэвид, его дыхание коснулось её щеки. — Деньги для меня не имеют значения. Судьи здесь подкупны, церковная полиция — тоже. — Он сделал паузу, заглядывая ей в глаза, и в его взгляде горел голод. — Вы же верите, что достойные живут дольше за счёт никчёмных? Помогите мне закончить войну с Лонглес. Помогите мне стать тем, кто принесёт мир на эти земли.

Внутри Элизабет боролись два голоса. Один — голос разума и осторожности, другой — голос азарта и гордыни, который Лондел назвал её проклятием. Мысль о сумме, увеличенной в пять раз, перевесила. Чужая жизнь, чужой страх — всё это казалось таким далёким, таким нереальным, словно

картина, что повесили .

— Хорошо, — выдохнула она, чувствуя, как в груди неприятно холодеет. — Я согласна. Но мне нужны гарантии.

Карета остановилась у той стройки, мимо которой Элизабет проезжала несколько часов назад. При виде роскошного экипажа с гербом Горделонов — одной алой розы, вышитой на бархате, — рабочие побросали инструменты и выстроились в неровную линию. Позади них, в пыли, валялись кирпичи и груды щебня.

Дэвид, выглянув из окна, важно произнёс:

— Рад приветствовать вас, граждане моего Дома! С вами желает познакомиться мисс Элизабет, прибывшая по поручению церкви!

Элизабет вышла из кареты. Её спокойствие было маской, под которой бушевало напряжение — сердце колотилось где-то у горла.

— Церковь приняла решение, что многие из вас достойны того, чтобы вступить в ряды армии дома. Ваш статус будет выше, если ваши души достаточно чисты.

Она медленно пошла вдоль шеренги, пожимая людям руки. Кожа у рабочих была грубой, горячей, покрытой пылью. Закрывая глаза, она видела оставшиеся их годы жизни: двадцать один год, пятнадцать лет, семь лет… Обычные люди с обычным, коротким сроком.

И тут она снова увидела его. Того самого парня со стройки. Оскар. Когда их взгляды встретились, Элизабет на мгновение замешкалась, но взяла его за руку. Рука оказалась твёрдой, с въевшейся грязью под ногтями. Цифра, вспыхнувшая перед её мысленным взором, заставила её сердце пропустить удар. Пятьдесят семь лет. Почти полвека чистой, нерастраченной жизни. Она отпустила его руку быстрее, чем следовало, и пошла дальше, стараясь не выдать своего волнения.

Последней в ряду сидела женщина. Ей было около пятидесяти, она имела полноватую фигуру и была одета в простую тёмную одежду. Рядом с ней стояла кастрюля, от которой поднимался пар — пахло дешёвым супом. Её правая рука была перевязана грязным бинтом — кисть под ним отсутствовала.

— Протяните правую руку, — машинально сказала Элизабет.

— Вынуждена предложить вам другую, — тихо ответила

женщина, протягивая левую ладонь. Голос её был спокоен, но в глубине глаз затаилась такая скорбь, что Элизабет на миг отвела взгляд.

Элизабет взялась за неё и увидела цифру «двадцать семь». Двадцать семь лет жизни у женщины-инвалида, матери того юноши с пятьюдесятью семью годами в запасе.

Молча, с каменным лицом, она вернулась в карету. Дэвид, усевшийся следом, с нетерпением спросил:

— Ну как? Достаточно времени у этих людей?

— Да, — тихо ответила Элизабет, чувствуя во рту металлический привкус — верный признак того, что она на грани. — Но я передам годы только одного человека.

— Как пожелаете. Кого?

— Ту женщину. Без руки. У неё двадцать семь лет.

— Замечательно! — довольно потёр руки Дэвид, даже не поинтересовавшись причиной. — А что насчёт юноши? Вы задержали на нём взгляд…

— Это не имеет отношения к делу, — оборвала его Элизабет, чувствуя, как начинает подташнивать. — Расскажите, как всё пройдёт.

Поздний вечер окутал деревню сумерками. Где-то на пригорке, у одинокого колодца, стоял Оскар и смотрел на огонь-

ки в окнах деревянных домов, на тёмные силуэты гор вдали. Тишина вокруг будто предвещала что-то — даже сверчки умолкли. В этот момент к одному дому подъехала карета. Несколько солдат в зелёной форме, с ружьями за плечами, окружили двор, а затем и всю деревню. Дэвид и Элизабет вышли наружу. Солдат распахнул дверь, и они оказались в маленькой гостиной: грубые бревенчатые стены, маленький стол и печь в углу, в которой ещё тлели угли, наполняя комнату запахом дыма и золы. За столом сидела та женщина.

Дэвид вошёл внутрь, расстегнув пуговицу на пиджаке, чтобы рукаву было свободнее, и деловито произнёс:

— Солдаты окружили деревню, всё, как мы планировали. Приступим.

Элизабет подошла к женщине. Та подняла на неё глаза, полные ужаса и мольбы. Глаза эти были выцветшими, с красными прожилками — она не спала много ночей.

— Прошу… — голос женщины сорвался на шёпот, почти беззвучный. — Не надо… Оставьте мне хоть год… Дайте попрощаться с сыном… Он скоро придёт…

Элизабет взяла её за левую руку. Рука была холодной и дрожала мелкой дрожью.

— У неё есть сын? — спросила Элизабет, обернувшись к Дэвиду.

Дэвид грубо схватил её за локоть, пальцы впились в ткань

плаща.

— Её нельзя оставлять. Чем меньше свидетелей, тем меньше шанс, что нас раскроют. Не поддавайтесь эмоциям! Она инвалид, какой с неё прок?

— Умоляю… — женщина почти рыдала, сжимая ледяные пальцы Элизабет. Её дыхание стало прерывистым, на глазах выступили слёзы, катившиеся по морщинистым щекам.

Элизабет посмотрела в эти глаза, полные отчаяния. На одно мгновение она увидела в них что-то родное, что-то, что заставило всё внутри сжиматься. Но всё зашло уже слишком далеко, и понимание обстановки вынудило её совершить это, пересилив призрачный укол совести. Она отвела взгляд.

— Простите, — её собственный голос показался ей чужим, далёким, будто принадлежал кому-то другому. — Уже слишком поздно.

Она закрыла глаза. В её сознании мелькнуло двадцать семь, цифра, которая стремительно начала уменьшаться: двадцать шесть… двадцать… десять… пять… один… Ноль.

Женщина безжизненно упала на деревянный пол. Дэвид даже не обратил на это внимания — он уже смотрел на дверь, оценивая, как быстрее уйти.

В тот же миг на пригорке у колодца Оскар вздрогнул от внезапной, пронзительной боли в груди — такой, будто кто-то вырвал часть его души. Руки его ослабли, и тяжёлое де-

ревянное ведро с грохотом полетело вниз, в тёмную глубину колодца. Звук падающего ведра отозвался в ночной тишине похоронным звоном, многократным эхом отражаясь от каменных стен.

Поздней ночью у дворца Дэвида стояла карета Элизабет. Девушка сидела внутри, глядя на усыпанное звёздами небо. Но перед глазами стояло лицо той женщины — её последний вздох, её сжатые пальцы. Она убеждала себя, что это просто работа, что Дэвид — бездушный негодяй, что она инструмент в чужих руках, но что-то внутри сковывало душу, делало её тяжелее свинца. Слухи о её любви к деньгам были преувеличены, и пусть раньше она убивала нескольких людей низшего класса, в этот раз всё было иначе. Простой человек, но его смерть вызвала куда больше эмоций из-за обстоятельств, в которых она была совершена.

Дэвид подошёл к карете, неся в руках небольшой кейс, обшитый коричневой кожей. Его глаза сияли от радости — он живет дальше, и это было единственное, что его волновало. Он открыл дверцу и протянул кейс.

— Здесь даже чуть больше, чем мы договаривались. Позвольте ещё раз поблагодарить вас и пожелать доброго пути…

Карета тронулась и, поднимая клубы пыли, исчезла в ночи. Дэвид усмехнулся и поправил манжеты. Элизабет с по-

никшим видом хотела выговориться, но её кучер не был посвящён в детали сделки — он в целях безопасности остался в крепости и дожидался возвращения девушки. Элизабет нашла в карете свой пустой блокнот. Эмоции и мысли, накладывающиеся друг на друга, мешали здраво мыслить. Открыв маленькую книжку, она сделала запись:

«Всю жизнь я думала, что поступаю правильно, отдавая время тем, кто его заслуживает. Это приносило прибыль, но была и идея: люди, способные дать обществу больше, должны оставаться в нём дольше. Я придерживалась этой идеи, пока не увидела лица тех, кого лишила возможности видеть этот мир. Правда в том, что большего способен добиться человек, рождённый в обстоятельствах власти и богатства, дающих некую свободу. И имеем ли мы право судить других за бездействие, если они лишены этих возможностей? Церковь возвещает идею, и никто не имеет права в ней сомневаться, но они не видят выражений их лиц». — Записала Элизабет, сжав в руке золотистую пуговицу плаща. Есть ли воля у заключённой в идеологии дамы, совершившей столько убийств, но вознаграждённой за это?

Оскар медленно брёл домой. Всё было как обычно: ветхий забор, покосившаяся дверь, груда брёвен у крыльца. Только две привязанные лошади с сёдлами у дома заставили его насторожиться.

— Мам, я дома! — крикнул он, переступая порог. — Ведро уронил, пришлось задержаться… Ты не знаешь, чьи это лошади?..

Он вошёл в гостиную и замер. Два солдата в зелёной форме стояли над телом его матери, лежавшим на полу. Кто-то накрыл её старой белой простынёй — неровно, второпях. Из-под простыни торчала её левая рука, единственно уцелевшая за ее жизнь.

— Что здесь случилось?! — закричал Оскар, бросаясь вперёд.

Один из солдат грубо схватил его за куртку и прижал к стене.

— Юноша, — грубо рявкнул солдат, — ваша семья обвиняется в оскорблении религии и церкви. Вы арестованы и отправитесь на церковный суд для вынесения приговора.

Оскара с силой швырнули на пол, выкрутили руки и защёлкнули на запястьях наручники. Лёжа щекой на холодном деревянном полу, он смотрел, как из-под простыни торчит безжизненная ладонь — та которой мама гладила по голове, и дарила тепло, что уже никогда не тронется.

Глава 2. Судебный приговор

Зал суда поражал мрачным величием. Стены из темно-серого дерева уходили в тьму давя на плечи. Свет давали лишь масляные лампы со свечами, висевшие по сторонам судейского трибунала. За трибуналом восседал толстый мужчина, в очках, с огромной родинкой на носу, и белым париком-аллонж на голове. На плечи был накинут зелёный плащ с именной пуговицей — знаком церковной власти. Справа, за писарском столиком, сидел секретарь — худой мужчина с чёрными зализанными волосами и записывал каждое слово, перо скрипело по бумаге, разбавляя тяжелые паузы.

Оскар стоял в центре зала, стража была позади. За ними виднелась лишь тьма и едва различимая дверь. Холодный камень пола тянул тепло из ног. Оскар не шевелился.

Судья взял со стола лист бумаги, надел очки и спокойно произнёс:

— Слушание по делу Оскара Горделона, обвиняемого в убийстве собственной матери, также оскорблении церкви и антирелигиозной пропаганде, объявляется открытым — Мужчина говорил громко, в голосе звучала хрипотца — Подсудимый, вам есть что сказать?

— Ваша честь, — голос Оскара звучал твёрдо. — Я не знаю, что произошло. Я вернулся домой и увидел двух солдат и тело моей матери. Я никогда не посмел бы убить человека, тем более самого близкого.

— Церковный суд располагает показаниями солдат, задержавших вас. Они утверждают, что стали свидетелями нападения на женщину. Также в вашем доме обнаружены письменные материалы, содержащие критику церкви и её политики в отношении низших классов. Что вы скажете в своё оправдание?

— Я не знаю, откуда взялись эти бумаги, — Оскар сжал кулаки за спиной, сердце в груди будто охладело и говорить становилось все тяжелее. — Это ложь. Нет доказательств, кроме слов этих солдат!

— Как и нет аргументов против их слов. Обвинение признаётся достаточным— перебил его судья, снимая очки и кладя их на стол с лёгким стуком, весь процесс казался лишь пустой формальностью, каждый человек низшего класса являлся расходным материалом, из которого выкачивали годы жизни. — Ввиду отсутствия раскаяния и наличия достаточных улик, церковный суд постановляет: лишить подсудимого второго класса и определить местом его заключения Северо-Западную тюрьму. Срок заключения — пожизненно. В соответствии с церковным уложением, годы жизни осуждённого подлежат передаче тем, кто признан достойным их продолжения. Приговор окончательный и обжалованию не под-

лежит

Удар молотка прозвучал как гром в голове Оскара. Внутри что-то провалилось оставляя после себя только отчаяние.

***

Во дворце, упиваясь своим триумфом, Дэвид отдал приказ заместителю.

— Джон, отправляйся в тюрьму к этому мальчишке. Он уже должен быть мёртв, — с плохо скрываемым восторгом произнёс Дэвид. — Солдаты ждут твоего приезда.

— Вы уверены, что стоит так торопиться? — осторожно возразил Джон. — Мы уже щедро заплатили судье, теперь придётся платить и охране. Слишком много свидетелей, господин.

— Скоро нужно отправлять партию для Церкви, и я хочу получить годы жизни этого парня до того, как его заберут. По бумагам он уже мёртв, так что проблем не будет.

— И вы собираетесь хранить сферу прямо здесь? Аллионы прибудут лишь через несколько лет.

— Сейчас меня это не беспокоит, — отмахнулся Дэвид. — А вот упустить полвека жизни… я не могу. Я видел, как она на него смотрела. У него явно есть чем поделиться.

Джон молча поклонился и покинул дворец. Быстрым ша-

гом он направился к своему дому в крепости. Его фигура привлекала внимание — и прохожие, и солдаты на стенах провожали его взглядами, пока он на ходу что-то чиркал в своей записной книжке.

Войдя в свой скромный дом, Джон плотно закрыл за собой дверь. Не проходя вглубь комнаты, он вырвал из книжки страницу с уже высохшими чернилами, сложил её вчетверо и сунул под ковёр. Затем, схватив дорожную сумку, он вышел на улицу, где его уже ждала карета.

Дверь захлопнулась. В доме вновь воцарилась оглушительная тишина. И вдруг из-под ковра, глухо ударяясь о доски пола, раздался тихий, но настойчивый стук…

***

Тяжелая бронированная карета доставила заключенных к месту назначения. Оскара вывели наружу вместе с остальными, и процессия двинулась к тюремным воротам. Он шел, не поднимая глаз от собственных сапог, не желая смотреть на здание, ставшее его новой могилой. Мир вокруг словно погрузился в затяжной ночной кошмар, в котором перемены казались невозможными.

Внутри коридоры встретили его удушливым смрадом: сырость, гниль и застарелая вонь немытых тел, смешанный с стойким запахом ржавчины. За столом, заваленным бумага-

ми, сидел охранник — грубый мужчина с пустыми, равнодушными глазами. Он молча достал из-под стойки бутылку. В граненый стакан, давно не знавший мытья, полилась мутная молочно-белая жидкость. Оскар поморщился: в стакане плавали подозрительные хлопья, а в нос ударил едкий запах скисшего. Стакан сдвинули к нему.

— Насладись последней трапезой, — прохрипел он. — Теперь ты здесь навсегда. Либо сдохнешь от голода, либо отдашь душу тому шару в конце коридора. Поверь, второе — это милосердие к тебе.

Дверь с лязгом захлопнулась. Оскара погнали дальше по бесконечному проходу, мимо ржавых решеток, за которыми в полумраке теснились истощенные, почти утратившие человеческий облик люди. Многие даже не поднимали голов, лишь хрипло дышали, вжимаясь в холодные стены. В самом конце коридора, на узком деревянном столе, покоилась светящаяся сфера. Она пульсировала маслянистым фиолетовым светом, гипнотизируя и притягивая взгляд. Прямо под ней в полу чернел квадратный люк; Оскар мог лишь гадать, для чего он предназначен

Его втолкнули в камеру почти в самом конце блока. Наручники снимать не стали. В углу, на нарах, сидел мужчина: черная куртка, темные брюки, длинные волосы, обрамляющие лицо с выразительными скулами. Он не поднялся, лишь чуть повернул голову, сверкнув цепкими голубыми глазами.

— Новеньких закрывают только первое время, — негромко сказал он, не меняя позы. — Через пару дней откроют, когда ты уже не сможешь стоять на ногах, как те бедняги. И тогда всё зависит от того, сколько дней ты продержишься, прежде чем пойдешь к шару отдавать годы жизни.

— Кто вы? — спросил Оскар, прислонившись спиной к холодной каменной стене.

— Диего. А ты?

— Оскар.

— Как попал сюда? Небось против церкви сказал чего?

Оскар молчал долгую минуту, собираясь с мыслями. Тишина давила на уши, слышалось только собственное дыхание.

— Я не знаю с чего начать, — начал он тихо. — День проходил как обычно, я вернулся со стройки вместе с мамой. Она предложила приготовить суп на ужин, и я пошёл за водой к колоду. А когда вернулся... в доме были солдаты, а на полу лежала мама. Я ничего не смог сделать, они повалили меня, и всё погрузилось будто в сон. Мне кажется я до сих пор не осознал, что случилось.

В конце коридора послышалось шарканье. Старик из дальней камеры, едва переставляя ноги, толкнул незапертую решётку и, пошатываясь, побрел к шару. Тощий, изможден-

ный, он явно провел здесь немало времени. Когда старик коснулся артефакта иссохшей ладонью, тёмный коридор на мгновение залил мягкий фосфоресцирующий свет. В ту же секунду старик рухнул замертво прямо на крышку люка. Подоспевшая охрана без лишних слов откинула створку, и тело с глухим стуком провалилось в общую могилу. Под люком, мёртвые тела сжигали в печи люди в тканевых масках, что-либо разглядеть там было невозможно.

Оскар смотрел на это, не в силах отвести взгляд, но запах мёртвой горящей плоти, словно колол глаза. В горле пересохло, а внутри всё кричало: «Так не должно быть». Придя в себя, он сдавленно прошептал:

— Я не могу так умереть.

Диего усмехнулся с пугающим спокойствием:

— Думаешь, остальные ждали своей участи с радостью? Пройдёт неделя без еды и воды, и ты поползёшь к этому шару так же, как и он.

— Нет, этому не бывать! Только не так… не напрасно.

— Так ты боишься смерти или того, что она будет бессмысленной? — прищурился Диего.

Оскар отвёл взгляд:

— Не знаю. Мне незачем жить, но я не могу умереть, не отомстив за мать.

Диего хмыкнул:

— Забавно наблюдать за предсмертными откровениями. Но мало кто способен идти против инстинктов. Мы слабы, и в такие минуты обнажается истинная суть человека. Извини, парень, но я видел сотни таких, как ты. И все они закончили одинаково. Угадай, где они сейчас?

Внезапно к его решётке подошли двое охранников, камеру открыли.

— На выход, — приказал охранник.

Оскар сделал шаг и тут же рухнул на колени от удара дубинкой по затылку. В ушах зазвенело. Охранник сжал ему шею древком, прижимая лицом к каменному полу. Кто-то разжал его пальцы и прижал ладони к холодной поверхности шара. Позади стоял мужчина со скипевшим чайником. Горячая боль обожгла лицо — кто-то плеснул кипятком из железного чайника.

Кожа на щеке и шее покраснела от сильнейшего ожога.

— Отдай время шару, или продолжим! — рявкнул охранник.

В сознании Оскара замелькали цифры, отсчитывая его срок. Они пульсировали, сменяя фиолетовый цвет на кроваво-красный, призывая его добровольно отказаться от всего, что у него осталось.

Он молчал. Стиснув зубы, он смотрел в пустоту сквозь пелену боли. Он не отдаст им ничего, пока живы воспоминания о матери. Даже свои последние минуты.

Полчаса спустя избитого, с ожогом на пол-лица, Оскара швырнули обратно в камеру. На щеке вылезло пару мелких пузырей, а покраснения жалили его вокруг глаз, не давая покоя. Он лежал на полу, прикрывая рану израненной рукой, а все тело было в ушибах и неглубоких ранах.

— Ты крепче, чем я думал, — сказал охранник, вытирая пот со лба. — Но я уже устал тебя держать. После обеда продолжим.

Дверь захлопнулась. Диего подошёл к Оскару, присел на корточки. В его глазах читалось неподдельное уважение.

— Впервые вижу, чтобы здесь кого-то пытали. Ты как?

— Больно... — выдохнул Оскар.

— Не знаю, зачем ты им так сдался, но то, что ты не сломался... Это впечатляет, — Диего понизил голос до шёпота. — Слушай. Скоро за мной придут мои люди. Идём со мной. Тебя здесь всё равно убьют. А со мной... у тебя будет шанс

отомстить всем тем мразям, что отправили тебя сюда. Ты согласен?

Оскар с трудом повернул голову, встречаясь с ним взглядом. В его пустых глазах мелькнул огонёк — первый за долгое время.

—Что…Ты предлагаешь?

—У меня есть несколько хороших друзей, — шёпотом произнёс Диего. — Мы готовим восстание, как нас освободят, отведу тебя к нам. Поверь, к прежней жизни уже не получиться вернуться, лишь бороться против них. Тебе это по силам, я чувствую. Так ты согласен?

— Д-да...

— Добро. Потерпи ещё пару минут.

В кабинете тюрьмы Джон, помощник Дэвида, стоял у стола того самого охранника, что пытал Оскара. В руках он держал книгу учёта.

— Вам удалось получить нужное время от того парня? — холодно спросил он.

— Нет, он не ломается. Я впервые вижу такое.

— Я вас понял, — Джон взглянул на карманные часы. — Ждать я не могу. Есть другие камни на складе?

— Вы хотите взять неучтённый? Но церковь узнает о про-

паже...

— О пропаже одного шара из сотни никто не узнает, — Джон вынул из-за пазухи готовые бумаги. — Подпишите здесь о передаче. Всё остальное я беру на себя.

Охранник, помявшись, поставил подпись. Джон удовлетворенно кивнул и взглянул на часы. Три часа дня ровно. Джон тут же быстро сложил документы и вышел из кабинета. Охранники собирались вернуться к пытке заключённого, но в этот момент в другой части тюрьмы грянул взрыв.

Стена коридора разлетелась вдребезги. Сквозь густую пелену дыма и пыли ворвались вооружённые люди. Два охранника ринулись на место взрыва и тут же упали замертво, сраженные пулями. Шар, стоявший на тумбе, покачнулся и с грохотом разбился вдребезги, рассыпав по полу груду осколков, из которых темный фиолетовый пар растворился в воздухе.

Из дыма от взрыва у стены появилась стройная женская фигура. Красивая девушка лет двадцати семи, с каштановыми волосами, собранными в тугой хвост, в чёрной рубашке, кожаном жилете и коричневых брюках, уверенно шагнула в коридор. В руке она держала дымящийся револьвер.

— Привет, дорогой, — улыбнулась она, глядя на Диего сквозь прутья решётки.

Она ловко подобрала ключ с тела убитого охранника, открыла дверь камеры и, войдя внутрь, с хрустом раздавила каблуком осколки шара.

— Неуловимый Диего, лучший стрелок и бандит, угодил за решетку из-за попытки украсть фрукты у главы дома? — усмехнулась она.

— Меня арестовали из-за моего класса, мадам. И вы это видели. Так что держите язык при себе, — парировал Диего, но в его голосе слышалась теплота.

Оскар, шатаясь, вышел из камеры. Он наклонился и поднял с пола небольшой острый осколок разбитого шара.

— Кстати, этот парень идёт с нами, — сказал Диего Агате, когда та сняла с него наручники. — У него феноменальная выдержка.

— Ты уверен? — она с сомнением оглядела израненного Оскара.

— Агата, учитывая то, что мы затеваем... нам нужны все, кто готов драться.

Диего вышел из камеры, пнул ногой осколки и бросил ключ Оскару, чтобы тот снял свои наручники. Выйдя из-за решётки, Оскар на время остановился у осколков, тот поднял один из них и покрутил в руке, внимательно рассматривая, но это было всего мутное стекло, ничего примечательного.

— Выводи всех! — скомандовал Диего.

Оскар взял осколок с собой, убрав в карман.

На взрыв прибыло подкрепление, заговорщики прижались к стене, и принялись отстреливаться от охраны тюрьмы. Оскар, будучи раненным, поднял дубинку падшего охранника, и пробираясь вперед, без раздумий бросился вперед на врагов. Агата лишь успела вытянуть руку, чтобы остановить мальчишку, но тот встретил нападавшего из-за угла сильным ударом о голову. Завладев винтовкой охранника, и вернувшись в укрытие, на лице Диего появился лёгкий восторг. И всего через несколько минут не продолжительного боя, прозвучало ещё несколько взрывов, в разных углах тюрьмы.

Агата приказала скорее уходить, через разрушенную стену, по плечу её похлопал Диего, и робко сказал:

— И это его несколько минут назад пытали. Может Роджеру его?

—Любимый, давай не сейчас. Это твоя работа. —в сумато хе ответила Агата.

В скором времени, все заключенные покинули решётки, пока за их спинами пылала тюрьма.

Вечерело. Отряд беглецов пробирался через густой лес в сторону гор. Они остановились у огромного поваленного дерева на крутом склоне, усыпанном пожухлой листвой. Диего,

не раздумывая, ухватился за ствол, и несколько человек из его банды помогли ему откатить бревно в сторону. Оскар, превозмогая боль, тоже присоединился.

Под деревом, скрытый слоем веток и прелой листвы, находился тёмный провал — вход в подземелье.

— За мной, — скомандовал Диего.

—Диего, —спросил Оскар. —Что это за место?

— А у тебя есть другой путь? К чему вопрос, если никуда уйти ты уже не можешь. Идём за мной, и без разговоров.

Он зажёг факел, и отряд двинулся в сырую, холодную темноту. Воздух стал тяжёлым, пахло сырой землёй и старостью. Долго петляли они по запутанным коридорам, пока вдоль стен не начали появляться первые огни — прикреплённые к стенам факелы.

— Пришли, — объявил Диего. — Добро пожаловать в наш город. Названия у него нет.

Они вышли на каменный выступ, и Оскар замер, пораженный открывшимся зрелищем. Огромная пещера, теряющаяся во мраке под высокими сводами, была застроена самым невероятным образом. Кривые деревянные здания, подбираемые ржавыми железными балками, лепились друг к другу, громоздились одно на другое, соединялись шаткими мостками и веревочными лестницами. По стенам пещеры вились тропы, на выступах были устроены загоны для скота, а по склонам с грохотом съезжали доверху груженые телеги. Всё

это освещалось тысячами огней — факелов, масляных ламп и костров, горевших прямо на улицах. Город жил своей кипучей жизнью — слышался звон молотов, ругань, детский плач, женские голоса.

Отряд начал спускаться вниз по крутому склону, держась за деревянные перила. Вдруг Оскар услышал странный свистящий звук, нарастающий снизу.

— Всем прижаться к ограждению! — крикнул Диего.

Мимо них, буквально в нескольких дюймах, на бешеной скорости пронеслась пустая деревянная телега на двух колёсах. А следом за ней, ловко балансируя, промчался молодой парень. Он стоял на коленях, но к его ногам были пристёгнуты странные приспособления — «ногеты» — железные каркасы с маленькими колёсами и баллонами со сжатым воздухом. Тот спускался по склону с невероятной скоростью.

— На чём это он? — изумился Оскар.

— Ногеты, — пояснил Диего. — С их помощью мы спускаемся и поднимаемся по склонам вокруг города.

— Поднимаетесь?

— Ага, раньше это были пустые железяки, но несколько лет назад мой брат приделал к ним баллоны с газом, и подключил систему раскручивания колес от нажатия на курок. Он гениальный инженер, однажды мы в детстве нашли перчатки для подъема по скалам, ему удалось доработать конструкцию, и теперь носит их при себе. Кстати, газ мы крадём из дома Лонглес, я тебя свожу на добычу, но сначала нужно

представить тебя.

— Кому.

— Идём. Покажу.

Отряд спустился на дно пещеры, в самую гущу города. Здесь кипела работа: мужчины ремонтировали здания, торговцы зазывали покупателей в маленькие лавки, компании людей о чём-то горячо спорили. Остановившись у небольшого двухэтажного деревянного дома, выкрашенного в белый цвет, Агата вышла вперёд и подняла руку, призывая к тишине.

— Слушайте внимательно! — крикнула она, и её голос эхом разнёсся по площади. — Всех, кто вышел из тюрьмы. Мы здесь объединены одной целью: отомстить людям высшего класса. Через несколько дней мы поднимем восстание против Дома Горделон. Я не буду читать вам длинных речей, у вас у всех и так достаточно мотивации, чтобы идти на смерть. Но запомните одно: мы вас не спасали. Мы дали вам шанс изменить свою участь. А значит, каждый из вас пойдёт в бой. А сейчас — приложите все силы к подготовке!

Толпа медленно расходилась. Диего кивнул Оскару на дверь белого дома.

— Идём. Для тебя есть место получше.

Он подошёл к Агате, поравнявшись с ней.

— У тебя никогда не получалось говорить речи, — тихо сказал он с лёгкой улыбкой.

— Знаю, — вздохнула она. — Организация страдает.

— Мы держимся на энтузиазме. Не бери в голову. Всё равно с тобой никто не сравнится.

Они переглянулись, с теплотой посмотрели друг на друга и на секунду, Диего поцеловал девушку. Диего обернулся к замешкавшемуся Оскару:

— Не стой, идём.

Они поднялись на крыльцо. Диего постучал условным стуком. Дверь приоткрылась на цепочке, и щель перегородила массивная фигура лысого детины в чёрной куртке.

— Кевин, привет, — дружелюбно сказал Диего. — Я хочу парнишку показать главе. Он у себя?

Дверь захлопнулась, но через мгновение распахнулась уже настежь. Кевин молча пропустил их внутрь.

Они прошли по коридору мимо множества вооружённых охранников и оказались в просторной комнате. В глубине, в массивном кресле, обитом тёмной кожей, сидел седой старик в серой рубашке и бордовой жилетке. Он неторопливо потягивал красное вино прямо из горла бутылки. Его глаза, цепкие и умные, остановились на вошедших.

Старик перевёл взгляд на Диего и улыбнулся, обнажив

жёлтые зубы.

— Мой старый бриллиант, — пророкотал он. — Привёл ещё одну жемчужину?

— О да, господин, — Диего сделал шаг вперёд, жестом подзывая Оскара. — Этот парень сидел со мной в одной камере. Охрана пытала его, чтобы он отдал годы камню, но он не сломался. Я, господин, такой выдержки не видел ни у кого. Все эти шрамы и ожоги — сегодняшние, но он полон сил. Если вы возьмёте его в наши ряды и обучите, он станет непобедимым.

Старик — Роджер — внимательно посмотрел на Оскара. Тот стоял молча, не пряча взгляда, несмотря на жуткую боль и слабость.

— На вид парень слабоват, — задумчиво протянул Роджер.

— Но глаза... глаза говорят об обратном. — Он поставил бутылку на стол и подался вперёд. — Слушай меня, юноша. Готов ли ты служить мне? Отдавать всего себя, жертвовать всем, что у тебя есть, ради меня? А взамен ты будешь получать больше, чем большинство жителей этого города.

Оскар молчал лишь секунду. Вспышкой перед глазами пронеслось лицо матери на холодном полу. Солдаты в зелёной форме. Судья в парике. Светящийся шар. Дэвид, кото-

рый, несомненно, стоял за всем этим.

— После того, как у меня отняли всё, — тихо, но твёрдо произнёс Оскар. — Мне уже нечего терять.

Роджер удовлетворённо хмыкнул, откинулся на спинку кресла и вновь поднёс бутылку к губам.— Чудно. Меня зовут Роджер. Добро пожаловать в нашу семью.

Глава 3. Восстание

Над домом Горделон сияла луна. Звёзды над городом казались такими же ледяными, как и ночной воздух, пробиравший до костей. Прозябший Джон возвращался к себе, в крепость, окружённую столичной стеной. Это величественное, почти давящее своей высотой сооружение, возведённое на холме, отделяло Дом от внешнего мира.

На башнях несли дежурство часовые. Деревянные лестницы скрипели под их ногами. Молодой солдат, закуривая, опёрся на перила и, заприметив знакомую фигуру, присвистнул.

— Всё работаете, мистер Джон? — в голосе солдата звучало уважение.

— Почти, — устало вздохнул Джон. — Завтра уезжаю на пару дней, хочу навестить семью. — Он поправил папку под мышкой, и солдат заметил, как побелели его костяшки, сжимавшие её.

— Семья — это хорошо, — с тоской протянул парень. — Тоже бы съездил к своим, да служба не пускает. Доброй вам дороги и спокойной ночи!

Джон улыбнулся, но улыбка вышла грустной. Он слишком хорошо знал это чувство — когда родной дом становится далёким воспоминанием.

— И тебе спокойной службы, друг.

Внутри крепости теснились одноэтажные каменные дома с круглыми, уже тёмными окнами. Стояла поздняя ночь, и тишину нарушали лишь отдалённые разговоры солдат. Джон шёл по извилистым широким улицам к своему жилищу. Войдя внутрь, он огляделся и тихо прикрыл дверь. Дом был скромным, даже слишком для советника главы, но Джона это устраивало: маленький, одноэтажный, всего две комнаты — и никого вокруг.

В полумраке, едва рассеиваемом лунным светом из окна, виднелась небольшая, покрытая толстым слоем сажи печка, стол с двумя стульями в углу и старый шкаф у двери в спальню. Джон задёрнул занавеску, убрал свой голубой костюм и переоделся в простое: бежевые штаны, серую рубаху и кожаный доспех поверх неё. Затем зажёг свечу в фонаре. Отодвинув стол и свернув ковёр, он принялся вынимать доски из пола. Под ними открылся тёмный провал. Джон, прихватив со стола перчатки, без колебаний спустился вниз.

Он оказался в кромешной тьме. Вынув свечу из фонаря,

он поднёс её к факелу на стене, и тот занялся дрожащим пламенем. Джон стоял в узком подземном коридоре высотой около двух метров, подпёртом деревянными креплениями через каждые десять шагов. Позади, прислонившись к стене, его уже ждал Диего.

Едва вспыхнул свет, тишину разорвал голос Диего:

— Приветик.

Джон молча поставил фонарь на стол и даже не обернулся.

— Может, объяснишь, что это было вчера.

— Я увидел тебя и понял: ты прикроешь. Фрукты лежали совсем одни, ну я и решил…

— Тебя могли пристрелить на месте, Диего! — резко оборвал его Джон. — Тебе повезло, что солдаты меня послушались. Мы вообще не должны были находиться у той деревни. Дэвид приказал оцепить её, пока…

— Знаю, знаю, — нетерпеливо перебил Диего. — Кстати, тот ваш «преступник» теперь с нами. Готовится к завтрашнему веселью. У тебя как, всё по плану?

— Компромата на них я собрал достаточно. Вопрос в другом: кто станет нас слушать, когда мы захватим власть? Для всей знати мы — «нечистые отродья».

— Разберёмся. Сначала выберемся на поверхность, а там союзники найдутся. Что с гарнизоном?

— Гарнизон ослаблен, — доложил Джон, склонившись над картой при свете фонаря. — Часть войск сегодня ушла к границам Лонглес. В крепости осталось не больше двух тысяч, но вооружены они до зубов.

— Нас шесть тысяч, и на нашей стороне внезапность, — Диего провёл пальцем по плану штурма. — Я не сомневаюсь в успехе. Путь ко дворцу чист?

— Чист. Я сам всё проверил. Мои люди взорвут стену, и мы ворвёмся прямо в сердце дворца. Вы же начнёте отсюда, тихо занимая крепость. Прошу тебя, Диего, будь осторожен. Никакого безрассудства.

Диего поднял голову, и в его глазах блеснул огонь.

— Я обещал Агате, что мы заведём ребёнка и будем жить здесь, в мире. Завтрашний день не входит в мои планы на смерть. Но именно мысли о будущем заставляют мою кровь кипеть. Поэтому я буду драться так, как никогда прежде.

— Просто... береги себя.

— Этого я обещать не могу, — Диего выпрямился и хлопнул брата по плечу. — Пора.

Они разошлись под покровом ночи, и воздух наполнился напряжённым ожиданием грядущего восстания.

***

Густые тучи на следующий день затянули небо, лишь изредка сквозь них пробивался бледный лунный свет. Дэвид

сидел в своем кабинете на верхнем этаже дворца. Комната была тесной: темно-зеленые стены, дубовые шкафы, заваленные бумагами, сабля в ножнах на стене. В центре, у окна, стоял массивный стол. На нем — аккуратные стопки документов с печатями, бутылка виски и единственный стакан. Дэвид смотрел на далекие горы, чьи подножия тонули в густом тумане. Не оборачиваясь, он произнес:

— Вы уверяете, что остановите войну с Лонглесами? Я наслышан о вас, но без гарантий сделки не будет.

В кресле напротив, в тени, сидел человек в темном плаще. Глубокий капюшон скрывал лицо, превращая гостя в безликий силуэт.

— Сомневаетесь, что я справлюсь с семьей Лонглес? — голос гостя прозвучал сухо. — Мне не нужен огромный гонорар, достаточно маленького аванса. Посланница церкви, помнится, тоже получила его перед тем, как покинуть этот дом.

Дэвид вздрогнул, сжав стакан.

— Откуда вам это известно?

— Раз мы не смогли договориться, я решил раскрыть карты. И учтите: за щедрую плату я забуду о том, как именно вы получили свои тридцать лет жизни.

Дэвид медленно повернулся. В его глазах читалась холодная решимость.— Раз дело дошло до шантажа, у нашей истории два финала. Либо вы называете свое имя, получаете аванс и устраняете род Лонглес, либо... вы не покинете этот

дом живым. Впрочем...

— Вы бы уже это сделали, если бы я не был вам нужен, — перебил его гость. — У нашей истории только один исход. Я убью Августа Лонглеса, его жену и наследника Лондела.

— И о какой сумме аванса мы говорим?

— Я не говорил, что аванс денежный. Вы хотели узнать моё имя, — гость достал запечатанный конверт и протянул его Дэвиду. — Для всех я был, и должен оставаться жителем Горделона. Среди ваших подчинённых, не мог бы добавиться новый гражданин, на место старого? Например, того юноши из деревни?

— Хватит! — прервал его Дэвид. — Я выполню вашу просьбу, но мне нужно имя. Я не заменю вас на уже существующих граждан, но могу устроить в часть лесорубов, где перепись граждан почти не ведётся.

— Мне необходимо, чтобы во всех документах, я числился гражданином второго класса вашего дома. Моё имя, пусть будет, Эраст Горделон.

***

К полуночи туман стал почти осязаемым. Ближние постройки еще угадывались в молочной пелене, но противоположный край крепости уже тонул в непроглядной белой стене. При этом небо оставалось кристально чистым: холодный свет полумесяца заливал крепостные стены и далекие пики гор. Солдаты дома Горделон, напряженно вглядываясь в туман, ждали врага снаружи, не подозревая, что угроза

уже внутри. Жерла пушек, нацеленные в пустоту, безмолвно ждали команды.

Двое часовых, привалившись к лафету, переговаривались вполголоса:

— Армия Лонглес прорвала восточный рубеж. Уверен, они заслали диверсантов, и кто знает, не здесь ли они нанесут удар.

— Слышал, Дэвид Горделон сегодня собирается бежать из крепости.

— Еще бы, спасает свою шкуру. Давно пора было подписать мир с Лонглес и закончить этот балаган.

— Как ты можешь так говорить о главе дома? Он благословлен судьбой, каждое его решение — во благо.

— Оставь свои церковные сказки, — отрезал солдат. — Это лишь способ держать нас в узде. Им выгодно, чтобы мы верили в незыблемость статуса и всю жизнь простояли у этой пушки.

— Но ведь весь мир верит в это. Зачем идти против течения?

— Не хочу быть частью стада, — глухо ответил он. — Даже если приходится притворяться.

Внезапно за спинами солдат что-то звякнуло. На мостовую упала небольшая железная колба размером с ладонь, с

обеих сторон запечатанная тяжелыми крышками. Весь корпус был изрыт вмятинами и глубокими царапинами. Не успели они обернуться, как прогремел взрыв, за которым последовали еще десять — по всей крепости. Солдаты вскинули винтовки, но было поздно: нападения внутри стен никто не ждал. Повстанцы, возникнув из-за углов, открыли шквальный огонь, то и дело забрасывая гарнизон взрывающимися снарядами. Вскоре они заняли стены, превратив крепость в тир. Начался хаос: крики жителей, грохот выстрелов, а влажный туманный воздух пропитался едким запахом пороха и крови.

Оскар выскочил из дома Джона и бросился к крепостной стене, пробиваясь сквозь толпу обезумевших от страха людей. Сжимая винтовку, он на ходу выхватил из серой сумки колбу и метнул её в сторону врагов, засевших за углом. Он был готов к бою, но оглушительный грохот взрыва сбил его с толку. Смешение звуков, запахов и кровавой суматохи на мгновение парализовало его: Оскар прижался к стене дома и зажмурился, пытаясь прийти в себя.

— Бегом на стену! Живо! — прокричал Диего, толкнув Оскара вперёд.

Взобравшись на стену, парни прижались к каменным обломкам, укрываясь от плотного огня. К ним подбежал боец из их отряда. Он был одет так же просто, как Оскар, но в светлую одежду, уже пропитанную кровью и дорожной пы-

лью.

— Мы взяли половину крепости, но продвигаться вдоль стен сложнее, чем казалось. Нужно сосредоточиться на… — он не успел договорить: пуля ударила ему прямо в грудь. Оскар замер, глядя, как товарищ оседает на камни.

Но это был лишь начало. Диего перевел взгляд на своих людей, зажатых между домами: по ним открыли огонь с пугающей точностью. Один из бойцов, замахнувшийся, чтобы бросить колбу, взорвался вместе с ней — пуля попала точно в цель. Диего вгляделся в рассеивающийся туман. В центре возвышался дворец Горделон, вокруг теснились дома, обнесенные крепостной стеной. Мест, откуда можно было вести такой прицельный огонь, было немного: требовалась высота и хороший обзор. Взгляд Диего зацепился за узкую девятиметровую башню. Там, почти каждую секунду, вспыхивал крошечный огонёк, и очередной боец из подземного города падал замертво.

— Смотровая башня, одиннадцать часов! Огонь! — прокричал Диего, указывая пальцем в сторону цели.— Слишком далеко, я почти ничего не вижу.— Дай сюда, — отрезал Диего. Выхватив винтовку, он в полный рост поднялся из укрытия и вскинул оружие.

Наёмник, прикрывавший отход главы дома, сдерживал натиск бунтовщиков. Начал накрапывать мелкий дождь. Снайпер засел на вышке, уперев тяжелую винтовку с длинным стволом и сложным оптическим прицелом в деревян-

ные перила. Он работал как машина: после каждого выстрела затвор лязгал с невероятной скоростью — полторы секунды, и очередной мятежник падал замертво.

Внезапно в прицеле мелькнул Диего. В ту же секунду пуля щепками разнесла дерево рядом с головой снайпера. Тот инстинктивно пригнулся, а когда снова вскинул винтовку, цель уже исчезла. Позиция была раскрыта. Наёмник, не раздумывая, закинул винтовку за спину и, едва касаясь ступеней, соскользнул по вертикальной лестнице вниз. Через мгновение он уже вскочил на вороного коня и умчался прочь из крепости.

Диего, упустив стрелка из виду, решил немедленно броситься в погоню.

— Оскар, веди отряд вдоль стен, а остальным передай: атаковать центр крепости! — Диего бросил товарищу винтовку. — Скоро Джон подорвет внутреннюю стену дворца. Наша задача — оттянуть на себя как можно больше сил противника.

— А ты?

— Нельзя дать стрелку уйти. Я разберусь с ним, а вы следуйте плану.

Диего привел в готовность «ногеты» — массивные стальные каркасы, в которых он сражался с самого начала. Он выхватил из-за пояса два пистолета. Под основными курками были закреплены дополнительные рычаги, соединенные коричневыми кожаными трубками с баллонами на ногах.

Диего оттолкнулся. Скрежет металла о камень эхом разнесся по лестнице, когда он на полной скорости рванул вниз. Он несся вперед, оставляя за собой шлейф искр, дыма и водяной взвеси. Входя в крутые повороты, он опасно кренился, пролетая в сантиметрах от стен и обломков, и при этом не переставал вести прицельный огонь по врагам.

Стрелок на коне обернулся и увидел Диего: тот, резко упав на колени, проскользил по мокрой мостовой, уходя от прицела.

— Только этого не хватало, — процедил всадник.

Диего не сбавлял темпа. Вылетев на прямую улицу, он вскинул пистолет. Всадник лишь усмехнулся:«Двести метров, дождь, паршивая кучность, скорость под пятьдесят, да еще эти железки на колёсиках под ногами... Он даже не прицелится».

Грохот выстрела оборвал его мысли: пуля чиркнула по правому уху. Всадник вскрикнул, схватившись за рану, и резко дернул поводья, бросая лошадь из стороны в сторону. Он петлял между улицами, не давая Диего поймать себя на прицел. Тот преследовал его, вписываясь в повороты и притираясь к самым стенам.

Внезапно угол дома разлетелся в щепки — всадник открыл огонь из винтовки. Диего пригнулся, развернул ноги параллельно движению и ударил по тормозам. Из-под роликов снопом посыпались искры. Сквозь пыль он увидел про-

тивника: тот управлял лошадью одной рукой, прижимая винтовку локтем, и палил на ходу.

Дуэль превратилась в безумную гонку. Они вылетели к длинному остекленному зданию и понеслись параллельно, обмениваясь выстрелами через витрины. Вокруг летели осколки, воздух дрожал от грохота, но оба лишь слегка задели друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.